

В ОДНОЙ из статей Кирилл Лаврова назвали «человеком из зрительного зала». Это определение закрепилось за ним на многие годы. Действительно, будто из зрительного зала поднимались на сцену паренки и парни, сыгранные артистом в пьесах современных авторов, и каждый из этих героев, с характером добрым, отзывчивым или ершистым, неуживчивым, с судьбами разными, порой трудными и противоречивыми, становился близким и понятным тебе. Понятным во всей своей сложности, которую чаще всего вводим мы в определение «мужественная простота». Работы Лаврова отличает, если так можно сказать, сложность простоты — простоты мудрого и глубокого личного видения жизни, простоты общения с залом, умения мгновенно устанавливать с ним контакт.

Роль, которую К. Лавров играет в спектакле «...Правду! Ничего, кроме правды!», обозначена едва ли не в последней строке программы — «От театра». В каком-то другом спектакле его функции можно бы обозначить привычным словом — ведущий. Но здесь так и хочется добавить: «От театра — наш современник Кирилл Лавров».

Более двухсот раз показал театр этот спектакль. Но в зале, да и на сцене, как и на первых представлениях, — настроение, возникающее лишь от ощущения сопричастности к происходящим событиям, их сиюминутности, настроение неожиданности и удивленности. Свообразным камертоном, создающим это настроение, является Кирилл Лавров.

Он не вмешивается в происходящие в американском сенате то трагические, то абсурдные события. Он их, на первый взгляд, только комментирует. Но ведь и комментарий комментарию рознь. Публицистическая, гражданственная страстность, едкая ирония по отношению к американскому суду над Великим Октябрем сочетаются у Лаврова с мудрой гуманностью, которая рождена жизненным опытом самого актера, его раздумьями не только над историей Советского государства, но и над мировой историей развития демократической и социалистической мысли.

«В „Правде...“ — говорил Кирилл Юрьевич, — мой герой — сам я. Останавливаю действие, вступаю в безответный в общении диалог с сенаторами, со свидетелями процесса. Да, по внешней драматургии он безответен, но по внутренней... Все ответы — в самой истории».

Комментарии и раздумья актера становятся частью наших мыслей, воспоминаний, чувств, ощущений. Мне кажется, в этом и заключен один из секретов широкой популярности актера: в умении быть всегда рядом с тобой — на сцене он или на киноэкране, на творческом вечере или при личной беседе. Внимательная заинтересованность, взгляда, спокойность, простота интонаций — и рядом богатейшие по своим оттенкам, смысловым аспектам эмоциональные взрывы. Истоки простоты Лаврова искали в разных направлениях: в биографии, в природной одаренности, в актерской школе...

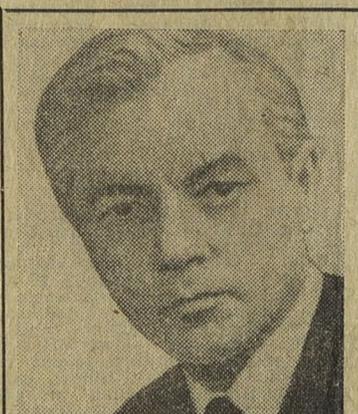
Думается, вернее искать истоки эти не столько в актерской школе (ее он проходил у К. П. Хохлова, проходит и до сих пор у Г. А. Товстоногова), в биографии самого артиста, сколько в биографии его поколения. А поколение то — военное.

Семнадцатилетним пареньком на второй год Великой Отечественной начал Кирилл Лавров армейскую службу. А затем, уже после войны, прослужил, прожил пять лет на Дальнем Востоке.

«Армия, — говорит Кирилл Юрьевич, — сформировала меня не только как человека, но и как актера. Ведь актеру, как и человеку военному, присущи и активность воли, и способность сосредоточиться на достижении цели. Армия вырабатывает у человека самостоятельность взглядов и серьезность отношения к миру. Честно говоря, я очень хотел стать моряком».

К счастью для нас, он стал актером. Но даже семнадцать лет работы на сцене Большого драматического театра, на которую в 1956 году в лихом кульбите выскочил задорный и обаятельный малый, студент Борис Прищепин — Лавров, не изменили его любви к морю, людям моря.

Платонов в «Океане» А. Штейна. Жесткий, немногословный, словно закованный в темно-синие, обмятые по фигуре латы, — таким воспринимался изначально герой Лаврова. Но за этой внешней холодностью — святая, до конца дней влюбленность в море, верность долгу и людям, с которыми он служит. Слово бы у-

СОПРИЧАСТНОСТЬ

ВРЕМЯ.
ХУДОЖНИК.
ТВОРЧЕСТВО

рямо доказывая нам прямолинейность своего Платонова, артист нарочито гасил всякий лиризм, теплоту чувств героя. А эффект оказывался обратным, потому что под этими латами билось живое, чутко реагирующее на все человеческое сердце. Сердце Платонова, сердце артиста Лаврова, и по сей день влюбленное в море.

Потому, быть может, он с теплотой вспоминает и роль морского офицера, сыгранную в не очень удачном фильме «Нейтральные воды».

— А бывали у вас неудачные роли?

— У кого ж их не бывает! Но я о них не жалею. Иная неудача важнее победы и серьезный урок для тебя. Не будь опыта, вынесенного из этих неудач, не было бы и других, удачных работ.

Одна из главных таких работ, пожалуй, — Синцов в кинематографической дилогии по романам К. Симонова.

«И Платонов, и морской офицер, — отмечает артист, — были своеобразной подготовкой к Синцову. В этом образе, к которому долго боялся приступать, слилось очень многое, что никогда не стареет для человека, пережившего, прошедшего войну».

Не счесть писем, что пришли и приходят к Синцову — Лаврову от фронтовиков. Они узнают в Синцове своих однополчан, прошедших огненными дорогами войны, пишут о тех, кто не вернулся с ее полей. Не в этом ли — высшее признание жизненности образа, признание актера?

В Синцове, как и в сыгранных ранее Сергее из «Иркутской истории», Платонове, Семене Давыдове в инсценировке «Поднятой целины», Кирилл Лавров нашел верный путь к герою активной социальной позиции, гражданину, саккумулировавшему общественный, идейный опыт современности.

А в памяти, не выстраиваясь в какой-то временной ряд, возникают лавровские герои из спектаклей и фильмов «Сколько лет, сколько зим», «Ссора в Лукашах», «Воспоминание о двух понедельниках», «Братья Карамазовы», «С вечера до полудня». Возникают Молчалин, Соленьный... Роли — полярные. В каждой из них Лавров — иной. В каждой — абсолютно убедителен. Но от того, что в каждом образе он иной, — не нивелирует ли это его как лич-

ность, как художническую, человеческую индивидуальность?

«У каждого актера, — убежденно говорит Лавров, — должна быть своя тема. Эту тему ты пронесишь через каждую свою роль, независимо — отрицательная она или положительная. И если она в русле моей актерской темы — я с интересом играю ее. Никакой нивелировки тут быть не может. Наоборот: каждая роль, отличная от предыдущей или полностью противоположная ей, шлифует, как говорят, грани мастера. И в Молчалине, и в Карамазове, и в Соленом, и в последней по времени театральной своей работе — Городничем, я стремился, разоблачая их существо, нести идею светлую».

Пожалуй, ни один из созданных прежде Лавровым образов не вызывал столько противоречивых суждений, сколько вызвал Городничий.

Что и говорить, Сквозник-Дмухановский в спектакле Г. Товстоногова — неожидан. Неожиданно мудр, строен, подтянут. Мы привыкли к другим — излишне грузным, басовитым, не бог весть какого ума. Но перчите гоголевскую ремарку: «очень не глупый по своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя солидно; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало... Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр...» Вспоминая спектакль, убеждаешься: театр ни в чем

шени, хотя время артиста расплано буквально по минутам.

Сам заядлый футболист и болельщик, Лавров многие годы был одним из самых желанных гостей, а если говорить точнее (да не обидятся тренеры команды) — наставником «Зенита». Наставником моральным, духовным. Он — частый гость студенческих и заводских общежитий.

Играя, репетируя в театре, снимаясь в кино, народный артист СССР, коммунист Кирилл Лавров ведет большую работу как член Ленинградского обкома КПСС, как первый заместитель председателя правления Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества, член партбюро театра. Круг вопросов, с которыми сталкивается артист в этих сферах своей деятельности, — велик. Работа нелегкая, объемная.

«Но она, — говорит Кирилл Юрьевич, — позволяет встречаться со многими людьми, узнавать их и по мере сил помогать. Каждый день, при каждой встрече убеждаюсь в справедливости слов — «людей интереснейших в мире нет».

Обычно лаконичный, краткий в своих суждениях и разговорах, Лавров может часами с упоением рассказывать о встречах, происшедших не только на предприятиях и стройках Ленинграда, Свердловска, Москвы, Красноярска, Алма-Аты, но

и в городах Болгарии, Чехословакии, Австрии, Японии.

Побывав в стране, пережившей августовский день Хиросимы и Нагасаки, Кирилл Юрьевич рассказывал, что там он особенно остро почувствовал актуальность, гуманность фильма «Угрошение огня».

В этой картине, выдвинутой на соискание Государственной премии СССР, Лавров создал образ генерального конструктора космических кораблей Андрея Башкирцева.

Воссоздать в ограниченное экранное время почти весь жизненный путь человека, да еще такого, как генеральный конструктор, — от мальчишеского его увлечения планиризмом до первого полета человека в космос, — задача для актера труднейшая. Тем более, что кинематографическая история Башкирцева, имея в основе своей биографию вполне конкретную, вобрала в себя судьбы многих сподвижников С. П. Королева.

Подлинность чувств, жизненная достоверность поступков героя, сопричастность его с самыми важными событиями в истории страны — все это мастерски передано Лавровым. Перед нами характер цельный, объемный, масштабный.

«Диалог о созидательной и разрушительной силе атомной энергии, который ведут герои нашего фильма», — говорит артист, — звучит для меня особенно страстно и современно после посещения Японии. вновь убедился я, как могуча может и должна быть роль нашего искусства».

Объективно оценивая свою работу в фильме «Угрошение огня», Лавров не скрывает сожаления от того, что не все получилось так, как задумывалось, как мог бы сыграть теперь, увидя в целом результаты своего труда. Не скрывает и радости от работы над ролью Башкирцева, от встреч с теми, кто прокладывает дорогу в космос, от доброго и близкого знакомства с соратниками генерального конструктора.

Башкирцев Лаврова словно бы принял эстафету Полежаева и Дронова, созданных Николаем Черкасовым, эстафету жизни во имя людей, во имя непрерывного поиска, эстафету творчества, необходимого нам.

Победительно (при всей мужественной, строгой его простоте) звучит в творчестве Кирилла Лаврова «открытое чувство живой сопричастности, кровной жизненной связи художника со всем, что его окружает, с тем, что, по словам Ольги Берггольц, «уходит в землю и воду, и с тем, что воздвигнуто и воздвигается над землей и водой сейчас».

Ю. КРАСНОВ

На снимке: Кирилл Лавров в фильме «Угрошение огня».